

DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-289-306

УДК 316.34

JEL I32

ДЕПРИВАЦИЯ БЕДНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© Кузнецова Альфия Рашитовна

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
г. Уфа, Российская Федерация

© Старшинина Анжелика Александровна

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В Республике Башкортостан многое делается для повышения уровня и качества жизни населения, снижения уровня бедности, особенно среди работающего населения. В целом по Российской Федерации доля населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась с 12,4 до 7,2%, а в Республике Башкортостан – с 12,3 до 7,8%. В период с 2019 по 2025 гг. прожиточный минимум по основным социально демографическим группам населения увеличился на 65,8%, при этом рост трудоспособного населения составил почти 70%, по пенсионерам – около 75%, детям – 61%. Несмотря на наиболее высокие темпы увеличения показателя среди лиц пенсионного возраста, их фактическое материальное положение продолжает характеризоваться как уязвимое, что свидетельствует о сохраняющихся рисках в данной группе. Среднедушевые денежные доходы населения Республики Башкортостан в исследуемой динамике выросли на 56%, а средний размер начисленной заработной платы возрос на 85%. Положительным тренд снижения численности населения с доходами ниже уровня прожиточного минимума составил 37,5%, достигнув 317 тыс. человек. Данная динамика отражает повышение результативности мер социальной поддержки, улучшение покупательной способности и постепенное сближение доходов населения с минимально необходимым уровнем. Коэффициент фондов, отражающий степень дифференциации доходов, снизился с 14,8 до 12,9 раза, что является положительным признаком сокращения социального неравенства. Коэффициент Джини в среднем по стране уменьшился с 0,412 до 0,408, а в Республике Башкортостан – с 0,405 до 0,386, что также указывает на снижение уровня неравномерности распределения доходов. В структуре населения по уровню доходов наблюдается умеренное перераспределение в сторону групп с низкими и средними доходами. В целом нужно продолжить курс на реализацию системных мер для снижения региональных различий в показателях уровня жизни населения субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: бедность, социальное неравенство, доходы, прожиточный минимум, границы бедности, группы населения, Республика Башкортостан.

POVERTY DEPRIVATION IN DIFFERENT SOCIAL GROUPS OF RUSSIAN SOCIETY

© Kuznetsova Alfiya Rashitovna

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

© Starshinina Anzhelika Aleksandrovna

Для цитирования: Кузнецова А.Р., Старшинина А.А. Депривация бедности в различных социальных группах российского общества // Уфимский гуманитарный научный форум. 2026. №.1 (25). С.289-306. DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-289-306.

Abstract. In the Republic of Bashkortostan, much is being done to improve the standard and quality of life of the population and reduce poverty, especially among the working population. Overall, the share of the population with incomes below the subsistence level decreased from 12.4% to 7.2% in the Russian Federation, and from 12.3% to 7.8% in the Republic of Bashkortostan. Between 2019 and 2025, The subsistence minimum for the main socio-demographic groups of the population increased by 65.8%, with the growth of the working-age population amounting to almost 70%, for pensioners – approximately 75%, and for children – 61%. Despite the highest growth rate among those of retirement age, their actual financial situation continues to be characterized as vulnerable, which indicates persistent risks in this group. In the studied dynamics, the average per capita monetary income of the population of the Republic of Bashkortostan increased by 56%, and the average accrued wage increased by 85%. A positive trend of decreasing the number of people with incomes below the subsistence minimum amounted to 37.5%, reaching 317 thousand people. This trend reflects the increased effectiveness of social support measures, improved purchasing power, and the gradual convergence of the population's incomes with the minimum required level. The funds ratio, reflecting the degree of income differentiation, decreased from 14.8 to 12.9 times, which is a positive sign of reducing social inequality. The Gini coefficient decreased nationally from 0.412 to 0.408, and in the Republic of Bashkortostan from 0.405 to 0.386, also indicating a decrease in income inequality. A moderate redistribution toward low- and middle-income groups is observed in the population structure by income level. Overall, systemic measures to reduce regional differences in living standards across the constituent entities of the Russian Federation should be continued.

Keywords: poverty, social inequality, income, subsistence minimum, poverty lines, population groups, Republic of Bashkortostan.

Введение. Вопросы устойчивого развития в последние годы приобретают большую актуальность, предполагая не только стабильное социально-экономическое положение населения, сглаживание монетарного неравенства, но и борьбу с бедностью, повышение экономического положения индивидов или социальных групп, при котором люди могут удовлетворить определенный круг минимально необходимых потребностей. Борьба за мировые ресурсы распространяется и на технологические мощности, и на интеллектуальный капитал, формируя новую структуру и принципы глобальной конкуренции. Конкурентная борьба создает современные вызовы в процессе формирования устойчивых моделей развития. В условиях такой глобальной трансформации устойчивость становится ключевым критерием жизнеспособности экономик, социальных систем и международных отношений.

Целью статьи является изучение статистической и научной информации, касаемой депривации бедности в различных социальных группах российского общества.

Материалы и методы. В работе использованы аналитический, монографический и графический методы исследования, анализ проведен на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за период с 2019 по 2025 годы.

Результаты исследования. В последние годы многие ученые исследуют вопросы депривации бедности, т.е. сокращения доступа к базовым благам, условиям жизни или возможностям, характерным для общества в целом. Актуальность этой проблемы заключается в том, что депривация бедности, как комплексное социально-экономическое явление, характеризующееся недостаточностью материальных, социальных и инфраструктурных ресурсов, необходимых для нормального функционирования человека, может проявляться дифференцированно, в зависимости от территориального размещения региона, от состава социальных групп, населяющих различные территории, от уровня образованности, состояния здоровья, доступа к социальным услугам, семейного положения, потенциальных и реальных возможностей для заработка, развития интеллектуального и компетентностного потенциала.

Указом Президента Российской Федерации о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года поставлена задача снижения уровня бедности в стране к 2030 г. до 7%, а к 2036 г. – ниже 5%[1]. Так, в результате социологического опроса, проведенного Логиновым Д. М. выявлено, что «группа финансового неблагополучия, состоящая из несформировавших сбережения и одновременно имеющих непогашенные кредиты, составляет 31% средневозрастных россиян; основу этой группы формируют граждане пониженного материального статуса и представители домохозяйств, имеющих в своем составе более одного ребенка»[2]. В результате другого социологического исследования, ориентированного на выявление уровня субъективной бедности, Гориной Т. И., Дорофеевой З. Е. и Натсак О. Д. показано, что «одиноким матери чаще выражают неудовлетворенность материальным положением, а также более высокий уровень тревожности по поводу возможной потери работы, неспособности содержать себя в течение ближайших 12 месяцев; доля женщин, относящих свой материальный статус к нижним ступеням социальной лестницы, в 2 раза выше среди женщин из неполных семей по сравнению с теми, кто состоит в браке; женщины, состоящие в браке, чаще ожидают положительных изменений в своей жизни»[3]. Данный факт показал в своей работе Шабанов В.Л., установивший, что существует «наибольший риск депривации населения, проживающего в домохозяйствах одиночек, инвалидов, неработающих пенсионеров»[4]. Кроме того, в одной из других работ Шабанов В.Л. отмечает, что «значимость размера домохозяйства как фактора монетарной бедности снижается, а среднедушевой доход становится ведущим фактором, влияющим на бедность»[5].

Сопоставление уровня бедности по территориальному расположению проведена в работах Никоновой Н.А., Тугускиной Г.Н., Мустафиной А.Н., Бобкова В.Н., Одинцова Е.В., Колмакова И.Б. и многих других. В работе Никоновой Н.А., «выявлены характерные для сельских территорий региональная дифференциация и более медленные темпы снижения бедности населения»[6]. В работе Тугускиной Г. Н. и Мустафина А. Н. показано, что существует «разрыв в использовании информационных технологий в городских и сельских домашних

хозяйствах ввиду географических особенностей России»[7]. Некоторые авторы «среди основных факторов, определяющих направление региональной дифференциации, выделяют социально-экономические, социально-управленческие факторы»[7]. Раскрытие проблемы депривации бедности должно опираться на системный подход.

По мнению Ивановой Е.И., «с 2021 по 2024 год в России происходит рост доходов населения, что прослеживается по динамике показателей уровня бедности, реальных доходов и реальных располагаемых доходов»[8]. Данная тенденция повышения доходов формирует основу для более широкого анализа факторов, определяющих качество жизни и устойчивость социально-экономического развития регионов.

Рост доходов населения нельзя рассматривать изолированно. Следует приводить оценку в контексте более сложных процессов формирования человеческого капитала и интеграции различных сфер регионального развития. В работе Антипина И.А., Власовой Н.Ю., Шишкиной Е.А. подробно показано, что «обеспечение благополучия, понимаемого как сохранение и развитие человеческого капитала, рост качества жизни населения, синергия экономического, инфраструктурного и экологического развития, становится целевым ориентиром стратегического развития территорий, но формализовать этот конструкт пока затруднительно»[9]. В своей работе Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Колмаков И.Б. также показали, что «дифференциация населения по уровню жизни рассматривается путем сравнения результатов применения двух подходов к ее идентификации; представлены количественные оценки масштабов групп населения, выявленных на основе душевых денежных доходов и различающихся критериальными границами покупательной способности»[10]. Эти результаты еще раз подчеркивают необходимость комплексного подхода к оценке уровня жизни, поскольку даже при общем росте доходов сохраняются структурные различия между группами населения, требующие уточнения методологических подходов.

Корректность оценки прожиточного минимума напрямую влияет на интеграцию показателей бедности и социального неравенства, а также на эффективность социальной и экономической политики [11]. Кроме того, многие авторы подчеркивают, что необходимо пересмотреть методику расчета величины прожиточного минимума [12]. Улучшение качества жизни не может быть достигнуто исключительно за счет роста доходов: оно требует системных институциональных мер, направленных на развитие человеческого потенциала и повышение устойчивости социально-экономической среды. В своей работе Антипина О.Н., Миклашевская Н.А., Орлова Е.А. «предложили комплексный индекс удовлетворенности качеством жизни, включающий семь категорий, отражающих объективные стороны качества жизни (материальное благополучие, здоровье, социальные связи, образование, безопасную среду, баланс работы и отдыха, экологию), и субъективные оценки удовлетворенности

жизнью»[13]. Широу А.А. в своей работе отмечает, что для повышения качества жизни населения необходимо предпринять комплексный «набор целенаправленных действий в области демографии, здравоохранения, образования, регулирования рынка труда, социальной политики» [14].

Для понимания природы и причин бедности построим наглядную классификацию ее основных видов (рисунок 1).

Рисунок 1 – Классификация основных видов бедности

Составлено авторами.

Раскрытие феномена депривации требует опоры на комплексный подход, предполагающий анализ взаимосвязей между экономическими, социальными и институциональными параметрами развития. В условиях нарастающей

сложности социально-экономических процессов рост доходов населения не может рассматриваться как автономный индикатор улучшения благосостояния. Его интеграция должна осуществляться в рамках более широкого контекста. Включающего процессы формирования человеческого капитала, а также объединение различных сфер регионального развития – экономической, социальной, инфраструктурной и институциональной.

Таким образом, бедность может быть классифицирована: А) по объективности: абсолютная (статистически доказанная), относительная (сопоставимо доказанная), субъективная (психологически обусловленная); Б) по продолжительности: устойчивая, временная; В) по географическому расположению: городская, сельская; Г) по материальному положению: монетарная (на основе доходов, в т.ч. прожиточного минимума, минимальных доходов, расходов, потребляемых благ, услуг и т.д.) и немонетарная (некачественное питание, недоступность услуг образования [15, 16], здравоохранения, отсутствие нормальных жилищных условий, недостаточное потребление услуг и товаров первой необходимости и др.). Согласно данным официальной статистики по Республике Башкортостан, величина прожиточного минимума по социально-демографическим группам из года в год растет (таблица 1).

Таблица 1 – Величина прожиточного минимума по социально-демографическим группам в Республике Башкортостан (в среднем на душу населения, рублей в месяц) (в процентах) [17]

Годы	Показатели	Все население	Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
2019	I квартал	9474	10072	7744	9480
	II квартал	9804	10434	7998	9789
	III квартал	9567	10186	7801	9548
	IV квартал	9222	9816	7530	9200
	год	9517	10127	7768	9504
2020	I квартал	9442	10025	7695	9519
	II квартал	10015	10641	8155	10077
	III квартал	9908	10544	8059	9925
	IV квартал	9834	10477	8027	9781
	год	9800	10422	7984	9826
2021	год	10015	10641	9605	10077
2022	с 1 января по 31 мая	11009	12000	10431	10679
2022	с 1 июня по 31 декабря*	12110	13200	11474	11747
2023	год	12650	13789	11990	12271
2024	год	13753	14991	12530	13340
2025	год	15782	17202	13573	15309
2025 г. в % к 2019 г.	-	165,8	169,9	174,7	161,1

За период с 2019 по 2025 гг. величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам возросла на 65,8%, в т.ч. по трудоспособному населению – почти на 70%, пенсионерам – на 75%, детям – 61%. Несмотря на то, что темпы увеличения роста прожиточного минимума для лиц пенсионного возраста являются наиболее высокими среди всех социально-демографических групп, сохраняется тенденция, свидетельствующая о том, что их фактическое материальное положение продолжает оставаться уязвимым. Существует доказанный факт того, что «отношение назначенных пенсий к среднемесячной заработной плате в стране в целом уменьшилось с 27,5 до 25,8%»[28]. Данное явление способствует тому, что удельный вес работающих пенсионеров в общей численности пенсионеров составляет примерно 1/5 часть и «несмотря на рост различных пенсий, их размер не является достаточным для обеспечения достойной спокойной и комфортной старости»[18].

Среднедушевые денежные доходы населения в Республике Башкортостан за период с 2019 по 2024 гг. выросли на 56% (рисунок 2).

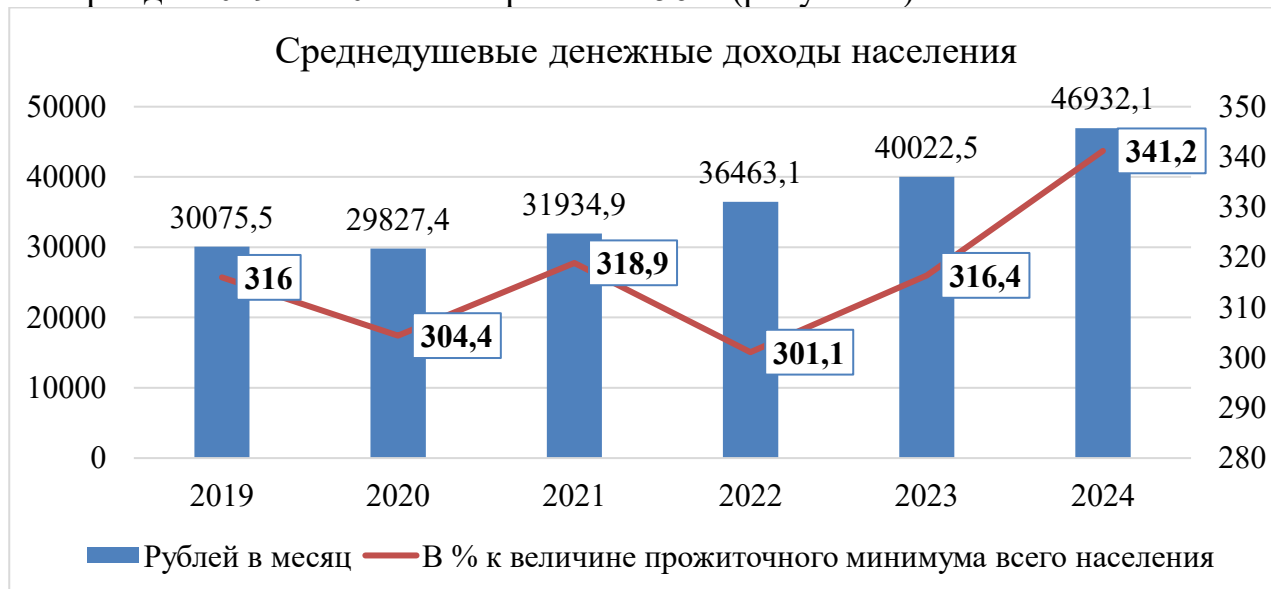

Рисунок 2 – Среднедушевые денежные доходы населения в Республике Башкортостан за период с 2019 по 2024 гг. (рублей)[17]

Если в 2019 г. отношение среднедушевых денежных доходов в процентах к величине прожиточного минимума было равным 316%, в 2020 г. – 304,4%, в 2021 г. – 318,9%, в 2022 г. – 301,1%, в 2023 г. – 316,4%, то к 2024 г. эта разница стала равной уже 341,2%. Такой рост может способствовать росту покупательной способности населения, а также постепенному сокращению риска депривации среди значительной части населения, что может рассматриваться как позитивный тренд к повышению социально-экономической устойчивости развития региона.

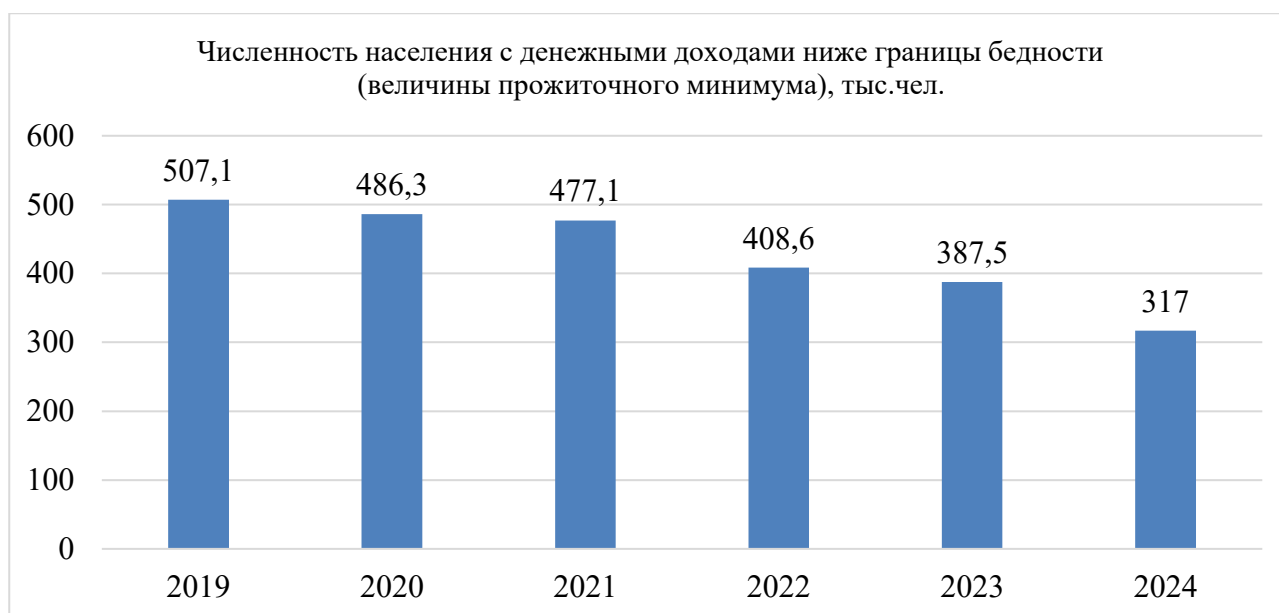

Рисунок 3 – Численность населения Республики Башкортостан с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) за период с 2019 по 2024 гг. (рублей) [17]

Согласно данным официальной статистики, численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, а именно, - ниже величины прожиточного минимума, - за период с 2019 по 2024 гг. сократилась на 37,5%, составив 317 тыс. чел. Такое сокращение указывает на повышение эффективности мер социальной поддержки, а также на улучшение покупательной способности населения и постепенное выравнивание доходов относительно минимально необходимого уровня. В совокупности это может рассматриваться как признак укрепления социальной стабильности и повышения результативности государственной политики, направленной на снижение бедности. Кроме того, важно отметить и тот положительный факт, что размер начисленной заработной платы в среднем по Республике Башкортостан возрос с 36,5 до 45,1 тыс.руб., т.е. на 85,3%. Такая динамика свидетельствует о том, что ориентир на укрепление финансовой устойчивости домохозяйств, повышение производительности труда будут и дальше способствовать снижению масштабов бедности и депривации.

Рассмотрим информацию о доле населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (рисунок 4).

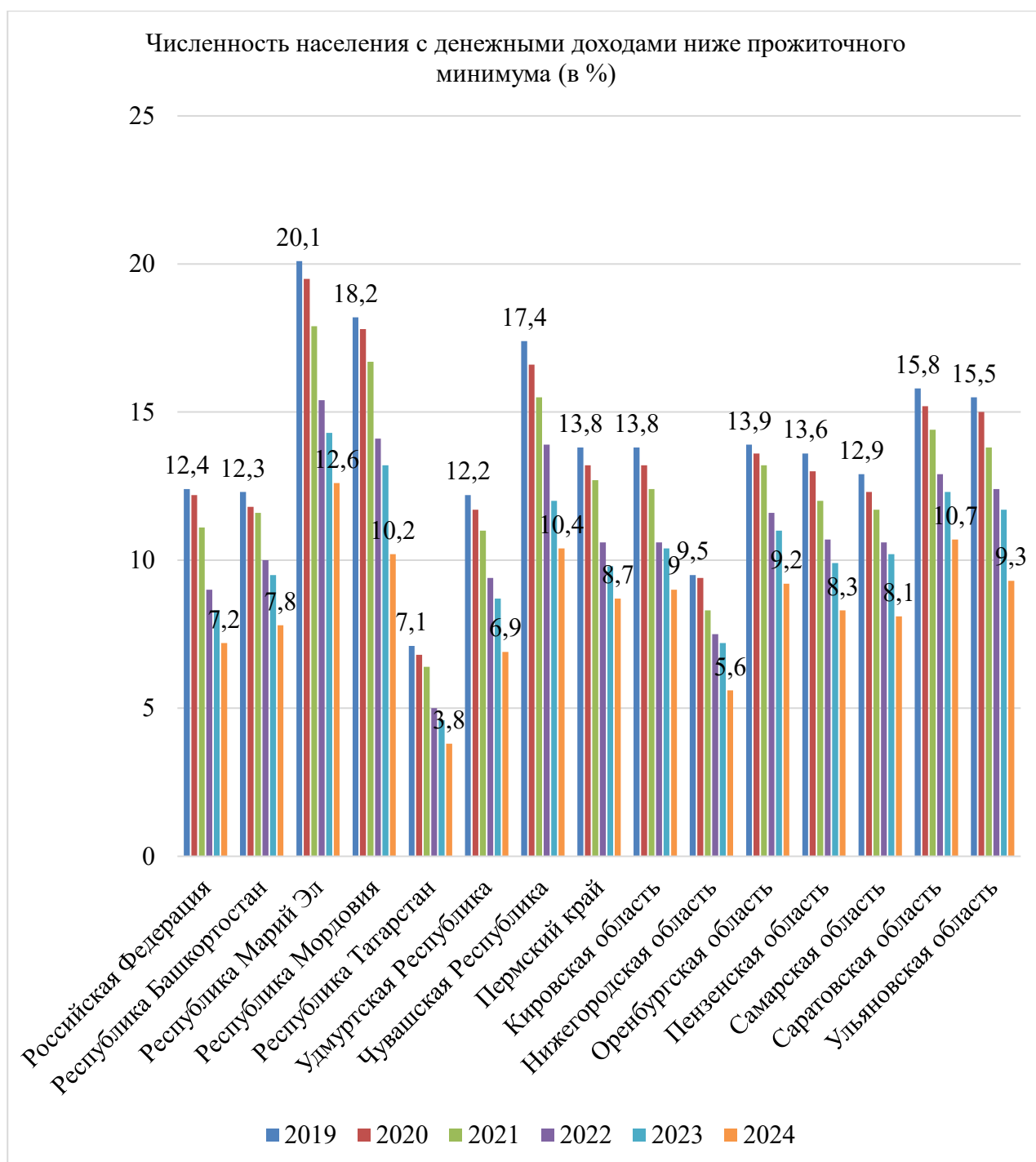

Рисунок 4 – Численность населения Приволжского федерального округа с денежными доходами ниже прожиточного минимума за период с 2019 по 2024 гг. (в процентах) [17]

В целом по Российской Федерации численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума за период с 2019 по 2024 гг. уменьшилась с 12,4 до 7,2%, в том числе в Республике Башкортостан – с 12,3 до 7,8%, в Республике Марий Эл – с 20,1 до 12,6%, в Республике Мордовия – с 18,2 до 7,1%, в Республике Татарстан – с 7,1 до 3,8% (это самое низкое значение показателя в Приволжском федеральном округе) и т.д.

Коэффициент фондов, представляющий собой значение уровня дифференциации доходов, или социального расслоения в обществе, определяемый как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, в Республике Башкортостан уменьшился с 14,8 до 12,9 раз, что является положительным фактором (таблица 2).

Таблица 2 – Коэффициент фондов в регионах Приволжского федерального округа (в размах) [17]

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	15,6	14,9	15,2	14,0	14,8	15,1
Республика Башкортостан	14,8	13,4	13,6	12,1	12,7	12,9
Республика Марий Эл	10,9	10,2	10,3	9,7	10,3	10,6
Республика Мордовия	9,6	9,8	10,4	10,5	11,3	11,5
Республика Татарстан	13,6	12,5	13,0	12,2	13,3	13,4
Удмуртская Республика	10,4	9,4	9,6	9,3	10,2	10,5
Чувашская Республика	9,6	9,4	9,9	9,9	11,2	11,1
Пермский край	14,4	12,8	12,9	12,3	13,4	13,3
Кировская область	10,0	9,5	9,8	10,1	10,3	10,4
Нижегородская область	13,7	12,8	13,1	13,5	14,3	14,8
Оренбургская область	12,3	11,4	11,5	11,3	12,1	12,2
Пензенская область	10,1	10,4	10,3	10,4	11,3	11,4
Самарская область	12,1	11,3	11,4	11,4	12,0	12,2
Саратовская область	10,9	10,8	10,9	10,9	11,5	11,4
Ульяновская область	10,4	10,2	10,3	9,9	10,5	10,7

Значение коэффициента фондов (разницы между доходами самых богатых и самых бедных людей) в среднем по Российской Федерации в 2024 г. составило 15,1 раза. Во всех регионах Приволжского федерального округа наблюдаются более низкие значения коэффициента фондов, чем в среднем по стране и составляют: в Нижегородской области – 14,8 раза, Республике Татарстан – 13,4 раза, Пермском крае – 13,3 раза, Оренбургской и Самарской областях – по 12,2 раза, Республике Мордовия – 11,5 раза, Пензенской и Саратовской областях – по 11,4 раза, в Чувашской Республике – 11,1 раза, Ульяновской области – 10,7 раза, по Республике Марий Эл – 10,6 раза, Удмуртской Республике – 10,5 раза, Кировской области – 10,4 раза.

Еще один значимый статистический показатель, используемый для оценки степени неравномерности распределения какого-либо признака в обществе (доходов, богатства, активов или трудовых ресурсов), позволяющий оценить, насколько фактическое распределение отклоняется от абсолютно равного, – это коэффициент Джини (таблица 3).

Таблица 3 – Коэффициент Джини в регионах Приволжского федерального округа [17]

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	0,412	0,406	0,409	0,398	0,405	0,408
Республика Башкортостан	0,405	0,391	0,393	0,377	0,384	0,386
Республика Марий Эл	0,362	0,353	0,355	0,346	0,354	0,358
Республика Мордовия	0,344	0,347	0,356	0,357	0,367	0,370
Республика Татарстан	0,394	0,381	0,387	0,378	0,390	0,392
Удмуртская Республика	0,355	0,342	0,345	0,339	0,352	0,357
Чувашская Республика	0,343	0,342	0,348	0,348	0,366	0,366
Пермский край	0,401	0,385	0,387	0,379	0,391	0,391
Кировская область	0,349	0,342	0,347	0,351	0,355	0,355
Нижегородская область	0,395	0,385	0,389	0,393	0,401	0,405
Оренбургская область	0,379	0,368	0,370	0,368	0,377	0,379
Пензенская область	0,352	0,355	0,354	0,355	0,368	0,369
Самарская область	0,377	0,368	0,368	0,369	0,376	0,378
Саратовская область	0,362	0,361	0,363	0,363	0,369	0,369
Ульяновская область	0,356	0,352	0,355	0,348	0,358	0,360

С учетом того, что значение коэффициента может приобретать цифровое значение в диапазоне от нуля до единицы, где «0» – означает абсолютное равенство (при котором все имеют одинаковый доход); «1» – абсолютное неравенство (один человек получает весь доход). Среднее значение коэффициента Джини по стране за период с 2019 по 2024 гг. уменьшилось с 0,412 до 0,408, при этом по Республике Башкортостан снижение составило с 0,405 до 0,386; по Республике Татарстан – с 0,394 до 0,392; по Республике Марий Эл – с 0,362 до 0,358; в Пермском крае – с 0,401 до 0,391. Уменьшение коэффициента Джини свидетельствует о тенденциях сглаживания в уровне доходов населения. Однако в остальных регионах Приволжского федерального округа значение коэффициента Джини (социальное расслоение) увеличилось, составив: в Нижегородской области – 0,405, Оренбургской области – 0,379, Самарской области – 0,378, Республике Мордовия – 0,370, Пензенской и Саратовской областях – по 0,369, Чувашской Республике – 0,366, Ульяновской области – 0,360, Республике Удмуртия – 0,357, Кировской области – 0,355.

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в Республике Башкортостан представлено на рисунке 5.

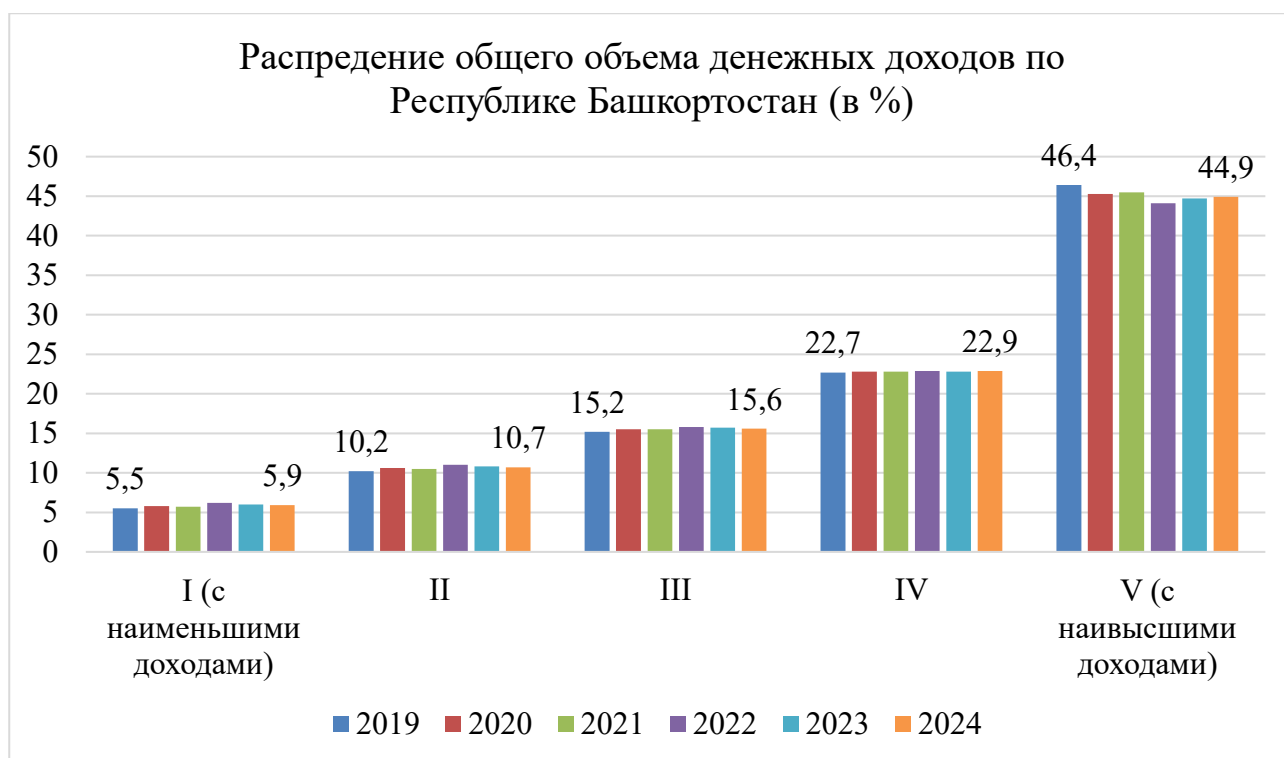

Рисунок 5 – Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в Республике Башкортостан (в процентах) [17]

За период с 2019 по 2024 гг. доля населения Республики Башкортостан с наименьшими доходами повысилась с 5,5 до 5,9% (+0,4 п.п.), доля населения второй группы повысилась с 10,2 до 10,7% (+0,5 п.п.), доля населения третьей группы повысилась с 15,2 до 15,6% (+0,4 п.п.), доля населения четвертой группы повысилась с 22,7 до 22,9% (+0,2 п.п.), доля населения с наивысшими доходами уменьшилась с 46,4 до 44,9% (- 0,5 п.п.). Таким образом в структуре населения по уровню доходов произошло незначительное распределение в сторону групп с наименьшими, меньшими и средними доходами.

Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в регионах Приволжского федерального округа представлено на рисунке 6.

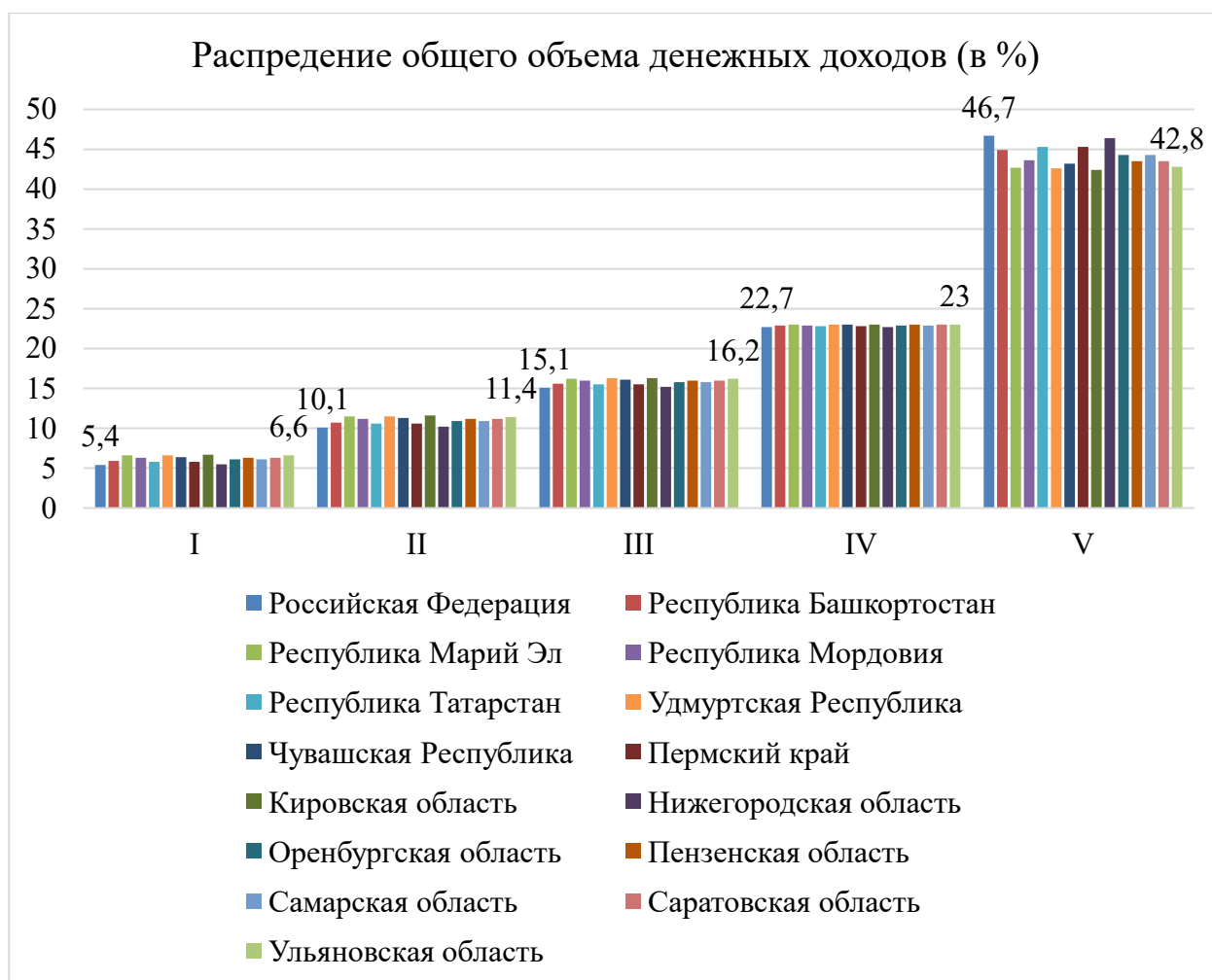

Рисунок 6 – Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2024 году (в процентах) [17]

Из распределения общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в регионах Приволжского федерального округа наглядно видно, что наибольшие колебания отмечаются в пятой группе с наибольшим уровнем доходом. Здесь первенство по объему денежных доходов принадлежит Нижегородской области (46,4%), Пермскому краю и Республике Татарстан (по 45,3%), Республике Башкортостан (44,9%), Самарской области (44,3%) и т.д.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, важно отметить, что депривация бедности – это не просто недостаток денег, а многомерное социальное явление, отражающее качество жизни и степень включенности человека в общество. Она позволяет глубже оценивать социальное неравенство, чем простой анализ доходов. Численность населения Российской Федерации с денежными доходами ниже прожиточного минимума за период с 2019 по 2024 гг. в среднем уменьшилась с 12,4 до 7,2%, в том числе в Республике Башкортостан – с 12,3 до 7,8%.

Среднедушевые денежные доходы населения в Республике Башкортостан за период с 2019 по 2024 гг. выросли на 56%, размер начисленной заработной платы в среднем по Республике Башкортостан возрос с 36,5 до 45,1 тыс.руб., т.е.

на 85,3%. Проведенный нами анализ показал, что за период с 2019 по 2025 гг. величина прожиточного минимума населения в Республике Башкортостан по основным социально-демографическим группам возросла на 65,8%, в т.ч. по трудоспособному населению – почти на 70%, пенсионерам – на 75%, детям – 61%. Несмотря на то, что темпы увеличения роста прожиточного минимума для лиц пенсионного возраста являются наиболее высокими среди всех социально-демографических групп, сохраняется тенденция, свидетельствующая о том, что фактическое материальное положение пенсионеров продолжает оставаться уязвимым.

Если в 2019 г. отношение среднедушевых денежных доходов в процентах к величине прожиточного минимума было равным 3,2%, то к 2024 г. эта разница стала равной 3,4%. Согласно данным официальной статистики, численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, а именно, - ниже величины прожиточного минимума, - за период с 2019 по 2024 гг. сократилась на 37,5%, составив 317 тыс. чел. Такое сокращение указывает на повышение эффективности мер социальной поддержки, а также на улучшение покупательной способности населения и постепенное выравнивание доходов относительно минимально необходимого уровня.

Коэффициент фондов, представляющий собой значение уровня дифференциации доходов, или социального расслоения в обществе, определяемый как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, в Республике Башкортостан уменьшился с 14,8 до 12,9 раз, что является положительным фактором. Среднее значение коэффициента Джини по стране за период с 2019 по 2024 гг. уменьшилось с 0,412 до 0,408, при этом по Республике Башкортостан снижение составило с 0,405 до 0,386. В структуре населения по уровню доходов произошло незначительное распределение в сторону групп с наименьшими, меньшими и средними доходами, что подтверждает системную работу региона по сглаживанию социального неравенства и снижению причин депривации бедности.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Источник: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=mpf0vavgn8620579605> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Логинов, Д. М. Запас прочности и финансовое обременение: кредитно-сберегательное поведение средневозрастных россиян / Д. М. Логинов // ЭКО. – 2026. – № 1(607). – С. 93-110. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110. – EDN KFHMMDV.

3. Горина, Т. И. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS-HSE 2004-2023 гг.) / Т. И. Горина, З. Е. Дорофеева, О. Д. Натсак // Социологический журнал. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 47-72. – DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.3. – EDN KFSDHQ.
4. Шабанов, В. Л. Депривационный подход в исследованиях бедности / В. Л. Шабанов // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 4(146). – С. 13-16. – DOI 10.24158/tipor.2020.4.1. – EDN QFIMNG.
5. Шабанов, В. Л. Экономико-статистические факторы монетарной бедности городских и сельских домашних хозяйств в РФ / В. Л. Шабанов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021. – № 1. – С. 70-76. – EDN PEGJXQ.
6. Никонова, Н. А. Изменение уровня жизни сельского населения в регионах Северо-Западного федерального округа / Н. А. Никонова // Экономика сельского хозяйства России. – 2025. – № 11. – С. 122-128. – DOI 10.32651/2511-122. – EDN EVEBUW.
7. Тугускина, Г. Н. Цифровизация социальной сферы России как фактор повышения уровня жизни сельского населения / Г. Н. Тугускина, А. Н. Мустафин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 9. – С. 154-157. – DOI 10.31442/0235-2494-2025-0-9-154-157. – EDN HEIRDA.
8. Иванова, Е. И. Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы / Е. И. Иванова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 114-135. – DOI 10.15838/esc.2025.3.99.6. – EDN ETDPGH.
9. Антипин, И. А. Благополучие территории, качество жизни и уровень счастья: подходы к оценке / И. А. Антипин, Н. Ю. Власова, Е. А. Шишкина // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 672-692. – DOI 10.17072/2218-9173-2025-4-672-692. – EDN JSXPKW.
10. Бобков, В. Н. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, И. Б. Колмаков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 3. – С. 84-105. – DOI 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105. – EDN RXGWDH.
11. Ахметьянова, А. И. Структура инвестиций в основной капитал экономики Республики Башкортостан / А. И. Ахметьянова, А. И. Кузнецов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 252-257. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-252-257. – EDN ZAZQWX.
12. Иванова, Е. И. Выравнивание региональных различий в уровне жизни населения в Российской Федерации: оценки и факторы / Е. И. Иванова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 114-135. – DOI 10.15838/esc.2025.3.99.6. – EDN ETDPGH.
13. Антипина, О. Н. Критика макроэкономических индикаторов благосостояния и альтернативные подходы к его оценке / О. Н. Антипина, Н. А.

- Миклашевская, Е. А. Орлова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2025. – Т. 60, № 1. – С. 19-39. – DOI 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2. – EDN VTDHCX.
14. Широ́в, А. А. Качество жизни населения как фактор развития Российской экономики / А. А. Широ́в // Вестник Российской академии наук. – 2024. – Т. 94, № 2. – С. 89-96. – DOI 10.31857/S0869587324020016. – EDN GIIJNM.
15. Мигунова, Ю. В. Условия образования в современной школе глазами учеников Республики Башкортостан / Ю. В. Мигунова, Г. Р. Зарипова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 3(23). – С. 171-181. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-171-181. – EDN WLLFCO.
16. Ислакаева, Г. Р. Спрос на высшее образование в России: анализ и факторы, влияющие на него / Г. Р. Ислакаева // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 196-204. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-196-204. – EDN ZBHYFX.
17. Дегтярев, А. Н. Ключевые мотиваторы трудовой активности пенсионеров в регионах Приволжского федерального округа / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, Ф. А. Дегтярев // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 13-28. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-13-28. – EDN YFRQYK.
18. Уровень жизни населения Республика Башкортостан: Статистический сборник/ Башкортостанстат - Уфа, 2025. – 58 с.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036. Source: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=mpf0vavgn8620579605> (accessed: 10.03.2026).
2. Loginov, D. M. Margin of Safety and Financial Burden: Credit and Savings Behavior of Middle-Aged Russians / D. M. Loginov // ECO. - 2026. - No. 1 (607). - Pp. 93-110. - DOI 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110. - EDN KFHMDV.
3. Gorina, T. I. Subjective well-being of mothers from complete and single-parent families (according to RLMS-HSE 2004-2023 data) / T. I. Gorina, Z. E. Dorofeeva, O. D. Natsak // Sociological Journal. - 2025. - Vol. 31, No. 1. - Pp. 47-72. - DOI 10.19181/socjour.2025.31.1.3. - EDN KFSDHQ.
4. Shabanov, V. L. Deprivation approach in poverty studies / V. L. Shabanov // Theory and practice of social development. - 2020. - No. 4 (146). - Pp. 13-16. - DOI 10.24158/tipor.2020.4.1. – EDN QFIMNG.
5. Shabanov, V. L. Economic and statistical factors of monetary poverty of urban and rural households in the Russian Federation / V. L. Shabanov // Regional agrosystems: economics and sociology. – 2021. – No. 1. – Pp. 70-76. – EDN PEGJXQ.

6. Nikonova, N. A. Changes in the standard of living of the rural population in the regions of the Northwestern Federal District / N. A. Nikonova // *Economics of agriculture in Russia*. – 2025. – No. 11. – Pp. 122-128. – DOI 10.32651/2511-122. – EDN EVEBUW.
7. Tuguskina, G. N. Digitalization of the social sphere in Russia as a factor in improving the standard of living of the rural population / G. N. Tuguskina, A. N. Mustafin // *Economy of agricultural and processing enterprises*. - 2025. - No. 9. - Pp. 154-157. - DOI 10.31442/0235-2494-2025-0-9-154-157. - EDN HEIRDA.
8. Ivanova, E. I. Alignment of regional differences in the standard of living of the population in the Russian Federation: estimates and factors / E. I. Ivanova // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. - 2025. - Vol. 18, No. 3. - Pp. 114-135. - DOI 10.15838/esc.2025.3.99.6. – EDN ETDPGH.
9. Antipin, I. A. Well-being of the Territory, Quality of Life, and Level of Happiness: Approaches to Assessment / I. A. Antipin, N. Yu. Vlasova, E. A. Shishkina // *Ars Administrandi (The Art of Management)*. – 2025. – Vol. 17, No. 4. – Pp. 672-692. – DOI 10.17072/2218-9173-2025-4-672-692. – EDN JSXPKW.
10. Bobkov, V. N. Normative-statistical and relative median approaches to the study of population differentiation by standard of living / V. N. Bobkov, E. V. Odintsova, I. B. Kolmakov // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. – 2025. – No. 3. – P. 84-105. – DOI 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105. – EDN RXGWDH.
11. Akhmetyanova, A. I. Structure of investments in fixed capital of the economy of the Republic of Bashkortostan / A. I. Akhmetyanova, A. I. Kuznetsov // *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. – 2025. – No. 4(24). – P. 252-257. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-252-257. – EDN ZAZQWX.
12. Ivanova, E. I. Equalization of Regional Differences in Living Standards in the Russian Federation: Estimates and Factors / E. I. Ivanova // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. - 2025. - Vol. 18, No. 3. - P. 114-135. - DOI 10.15838/esc.2025.3.99.6. - EDN ETDPGH.
13. Antipina, O. N. Critique of Macroeconomic Indicators of Welfare and Alternative Approaches to Its Assessment / O. N. Antipina, N. A. Miklashevskaya, E. A. Orlova // *Bulletin of Moscow University. Series 6: Economy*. - 2025. - Vol. 60, No. 1. - P. 19-39. – DOI 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-2. – EDN VTDHCX.
14. Shirov, A. A. Quality of life of the population as a factor in the development of the Russian economy / A. A. Shirov // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. - 2024. - Vol. 94, No. 2. - P. 89-96. - DOI 10.31857/S0869587324020016. - EDN GIIJNM.
15. Migunova, Yu. V. Educational conditions in a modern school through the eyes of students of the Republic of Bashkortostan / Yu. V. Migunova, G. R. Zaripova // *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. - 2025. - No. 3 (23). - P. 171-181. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-171-181. – EDN WLLFCO.
16. Islakaeva, G. R. Demand for Higher Education in Russia: Analysis and Factors Influencing It / G. R. Islakaeva // *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. – 2025. –

№. 4(24). – P. 196-204. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-196-204. – EDN ZBHYFX.

17. Degtyarev, A. N. Key Motivators of Pensioners' Labor Activity in the Regions of the Volga Federal District / A. N. Degtyarev, A. R. Kuznetsova, F. A. Degtyarev // Ufa Humanitarian Scientific Forum. – 2025. – No. 1(21). – P. 13-28. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-13-28. – EDN YFRQYK.
18. Standard of living of the population of the Republic of Bashkortostan: Statistical collection / Bashkortostanstat - Ufa, 2025. – 58 p.

Сведения об авторах:

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Старшина Анжелика Александровна, магистрант второго года обучения ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: needingzz16@gmail.com ORCID: 0009-0000-5852-9503.

Author's personal details:

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Starshinina Anzhelika Aleksandrovna, second-year master's student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology". 450076, Ufa, Russian Federation. E-mail: needingzz16@gmail.com ORCID: 0009-0000-5852-9503.

© Кузнецова А.Р., Старшина А.А.